

УДК 94 (47) «17/1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.02

Емельянова Александра Андреевна

кандидат исторических наук

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

PlatonovaE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-4673-5558

ВДОВЫ-МЕЩАНКИ В МОСКВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОВТОРНЫХ БРАКОВ

Аннотация. В статье на материале метрических книг автор определяет особенности брачного круга и брачного выбора овдовевших московских мещанок в первой половине – середине XIX в. В исследовании были задействованы метрические книги Никитского и Замоскворецкого сороков¹ за ряд лет: 1810, 1821, 1841 и 1859 гг. На данной территории в первой половине XIX в. проживало не менее трети населения старой столицы. Выбор Замоскворецкого и Никитского сороков был обусловлен тем, что они представляли две характерные для Москвы XIX в. социальные зоны, которые условно можно назвать купеческой и разночинной. Исследование показывает, что брачный круг вдов-мещанок включал те же социальные группы, что и брачный круг мещанских дочерей. Однако при повторных браках женихами мещанок реже становились представители полупривилегированных групп населения (купечество, чиновники); вдовы чаще, чем девушки-мещанки, вступали в браки с крепостными людьми. Доля внутрисловных браков у вдов была выше, чем у девушек. Автор связывает это с наличием в Москве массы бедных мещан, в том числе выходцев из крепостных, не имевших собственного жилья. Наличие любого имущества, тем более дома, унаследованного от мужа, делало вдов-мещанок весьма привлекательной партией для этой социальной группы. Исследование демонстрирует серьезные отличия демографического поведения московских мещан от модели, свойственной российскому крестьянству: внутри собственной группы (московское мещанство) доля повторных браков женщин была весьма высокой, отмечается преобладание повторных браков мещанок с мужчинами, женившимися первым браком.

Ключевые слова: вдовы, мещане, Москва, социальная история, повторные браки, метрические книги, положение женщины, историческая демография.

¹ Сорóк — церковно-административная единица в Москве XVI – начала XX в.

UDC 94 (47) «17/1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.48.4.02

Yemelyanova Alexandra A.

Candidate of Historical Sciences

Moscow City University

Moscow, Russia

PlatonovaE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0003-4673-5558

MIDDLE-CLASS WIDOWS IN MOSCOW IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: SOCIAL CHARACTERISTICS OF REMARRIAGES

Annotation. In the article, based on the material of the metric books, the author defines the features of the marriage circle and the marriage choice of widowed Moscow philistines in the first half-middle of the XIX century. The metrical books of Nikitsky and Zamoskvoretsky “soroks”² for 1810, 1821, 1841 and 1859 were used. In the first half of the XIX century, at least a third of the population of Moscow lived there. The study shows, that the marriage circle of middle-class widows included the same social groups as the marriage circle of middle-class daughters. However, during repeated marriages, representatives of semi-privileged groups of the population (merchants, officials) became grooms of middle-class women less often, widows also more often married serfs. Among middle-class widows, the proportion of marriages with representatives of their own group was higher than among middle-class girls. The author connects this with the presence in Moscow of a mass of poor burghers, including those who came from serfs who did not have their own housing. The presence of any property, especially inherited from her husband at home, made middle-class widows a very attractive party for this social group. The study demonstrates serious differences in the demographic behavior of Moscow philistines from the model typical of the Russian peasantry: within their own group (Moscow philistinism), the proportion of remarriages of women was very high, there was a predominance of remarriages of philistines with men who married for the first time.

Keywords: widows, burghers, Moscow, social history, remarriages, metric books, the status of women, historical demography.

Введение. Социокультурные и историко-демографические аспекты темы женского вдовства в России привлекают исследователей с 1990-х гг.³ Изучение фигуры вдовы в России периода империи требует учета сословной и региональной специфики. В настоящее время наиболее полно освещено положение вдовы-крестьянки. Исследователи русской крестьянской общины впервые обратили внимание на особый статус вдов⁴, и его этнографическое изучение в традиционной русской культуре началось до формирования

² Soroks — church administrative units in Moscow in XVI – early XX centuries.

³ Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 293–297; Тульцева Л. А. Вдовья доля // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 20–26.

⁴ Рыблова М. А. Вдовы в традиционной семье и общине донских казаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 279.

в отечественной науке современной социальной истории⁵. В ряду постсоветских работ в этой области необходимо отметить статьи З. З. Мухиной⁶, содержащие детальный историко-этнографический анализ феномена женского вдовства в русской деревне XIX в. В течение последних десяти лет выходили работы о вдовах, представлявших другие социальные группы: казачество (работы А. А. Моцидарской⁷, М. А. Рыбловой⁸), дворянство (статья А. М. Семенова и О. А. Семеновой⁹). Большой задел существует в исследовании жизни купеческих вдов: вопросы их имущественного и правового положения поднимались при освещении истории женского предпринимательства в России, возрастные и другие аспекты повторных браков — при изучении семейно-брачных отношений и культуры повседневности купечества¹⁰. Особенности положения вдовы-мещанки в XIX в. остаются до настоящего времени проблемой новой, практически не исследованной.

Мещанство — одно из податных сословий России XVIII–XIX вв., наиболее массовое городское сословие, жившее за счет мелкой торговли, ремесла, сдачи в наем жилья, извоза, огородничества, сезонных и иных заработков. Подгруппой мещан являлись цеховые ремесленники, формально выделяемые в отдельное сословие, но фактически составлявшие с мещанством одну социальную категорию¹¹. В рамках статьи данные по цеховым ремесленникам будут объединяться с общей статистикой по московским мещанам.

Пополнение рядов московского мещанства шло главным образом из вольноотпущенных крепостных и разорившихся купцов. Мещанство в Москве характеризовалось высокой степенью имущественной и культурной дифференциации,

⁵ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 31, 59, 60, 174; Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 39–40 и др.

⁶ Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде. Традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62–71; *Ее же*. Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политика и общество. 2013. № 3. С. 322–329.

⁷ Моцидарская А. А. Вдовы сибирских служилых казаков в XVII веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. С. 308–311.

⁸ Рыблова М. А. Указ. соч.

⁹ Семенов А. М., Семенова О. А. Положение дворянской вдовы в России в XIX в. // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 98–106.

¹⁰ Козлова Н. В. Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жён и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XVIII вв.: сб. материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 139–244; Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Женщина купеческого сословия г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: штрихи к социальному портрету // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. Вып. 1 (171). С. 145–155; Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 140–169. и др.

¹¹ Перова М. В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX в.: функции, общественное значение и направление деятельности // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 14.

что иллюстрирует список групп, входивших в брачный круг московских мещанок. Среди женихов были представители широкого социального диапазона — от крепостных крестьян до потомственных дворян. Например, в 1841 г. на территории одного только Никитского благочиния (сорока), кроме братьев по сословию, мужьями мещанок и цеховых женщин стали дворовые крепостные люди; купцы и их сыновья; вольноотпущенные; рядовые солдаты; унтер-офицеры; крестьяне разных категорий, в том числе «вольный хлебопашец»; табельные чиновники 9–14-го классов (обер-офицерские чины), а также музыкант при московских императорских театрах; некий «уроженец Ионических островов»; некий «Австрийский подданный»; батырщик (рабочий, обслуживавший печатный станок) университетской типографии; фельдшер; писарь в государственном учреждении и другие разночинцы¹².

В Москве приходские церкви составляли шесть сороков (благочиний). При проведении исследования были задействованы метрические книги Никитского и Замоскворецкого сороков за 1810, 1821, 1841 и 1859 гг.¹³ Выбор данных сороков обусловлен тем, что они представляли две характерные для Москвы XIX в. социальные зоны. С некоторой степенью условности московские сороки можно разделить на две группы по специфике социального состава населения. К первой группе относились благочиния, включавшие «дворянские» районы, расположенные в центре, и «разночинные» улицы, находившиеся ближе к окраинам. Ко второй группе относились сороки со значительным купеческим населением в пределах Земляного города — Никитский и Замоскворецкий. В границах двух этих благочиний в первой половине XIX в. проживало не менее трети населения города.

В статье мы постараемся охарактеризовать особенности брачного круга вдов-мещанок в Москве первой половины – середины XIX в.

Ход и результаты исследования. Православие допускает за всю жизнь человека три брака, как для мужчины, так и для женщины. При этом повторные браки были преимущественно делом мужчины. Третий брак для женщины существовал в теории, на практике в народной среде был практически не известен. Русские крестьяне, составлявшие большинство населения, не приветствовали третий брак даже для мужчин, для которых повторные браки были во всех отношениях доступнее. По наблюдениям этнографов, в русской традиционной культуре существовала четкая установка на браки вдов с вдовцами. Бытовало поверье, что на том свете первые супруги находят друг друга и снова создают пару, а вторые — остаются одиноки¹⁴. Для крестьянского парня жениться на вдове считалось позором¹⁵.

¹² Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 359, 360.

¹³ Там же. Д. 171, 174, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

¹⁴ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2000. С. 165.

¹⁵ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2005. Т. 3. С. 432.

Историко-демографические исследования российских городов дореформенного периода показывают, что жизненные обстоятельства могли успешно корректировать традиционные демографические установки. Так, в Севастополе XIX в., где основное население состояло из военных моряков, выходцев из деревни, вдовы массово заключали вторые браки, при этом третьи венчания отмечаются исключительно у женщин. Функция Севастополя как базы военно-морского флота обусловила огромную диспропорцию полов в составе населения (1 женщина — более 9 мужчин). В 1851 г. в Севастополе женившихся вторым браком было около 16 %, а невест, повторно вышедших замуж, вдвое больше — 32,38 % (17,61 % из них венчались с холостяками)¹⁶.

В типичном российском городе XIX в. наблюдалось численное преобладание женщин. Главная причина состояла, вероятно, в том, что в составе мещанского сословия на протяжении XIX в. отмечалась диспропорция полов. В середине XIX в. в России на 1000 мещан мужского пола приходилось 1083 женщины-мещанки¹⁷. В 1830 г., по данным «Статистической записки» В. П. Андросова, в Москве среди мещан было 25 636 женщин и 21 651 мужчин¹⁸. Однако фактический перевес женщин среди приписанного к Москве мещанства был выше, так как в источнике приводятся цифры с учетом прибывших в Москву на заработки иногородних мещан-мужчин.

В 1868 г. на территории европейской части страны среди лиц, заключивших повторный брак, мужчины составляли 58,3 %, а женщины — 41,7 %¹⁹. Мы можем сравнить с данными, которые дает наша выборка. В 1859 г. в Москве среди мещан, вступивших в повторный брак, мужчины составили 47,7 %, а женщины — 52,2 %. Таким образом, мы видим весьма высокую долю повторных браков у женщин внутри московского мещанства, и это существенно отличается от общей картины, сформированной прежде всего в крестьянской среде. Если мы рассмотрим процент повторных венчаний от всех браков с участием московских мещан на исследованной территории, мы увидим, что мужчины в среднем все-таки чаще заключали повторные браки, чем женщины. Например, в 1859 г. у мужчин-мещан из 231 венчания 32, или 13,8 %, были повторными, а у женщин из 352 венчаний — 35, или 9,94 %. Как показывает таблица, средняя доля повторных браков за четыре года у мещан и мещанок почти совпадает (11,7 % — у мужчин, 10,9 % — у женщин).

¹⁶ Хабарова О. В. Динамика показателей брачного поведения жителей Севастополя в XIX в.: анализ базы данных, созданной по материалам метрических книг // Историческая информатика. 2013. № 2 (4). С. 88, 95.

¹⁷ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М., 1956. С. 259.

¹⁸ Андросов В. П. Статистическая записка о Москве. М., 1832. С. 52.

¹⁹ Вишнякова Д. В., Семенов В. А. Брачность населения европейского Северо-Востока России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 4 (4). С. 90.

Таблица

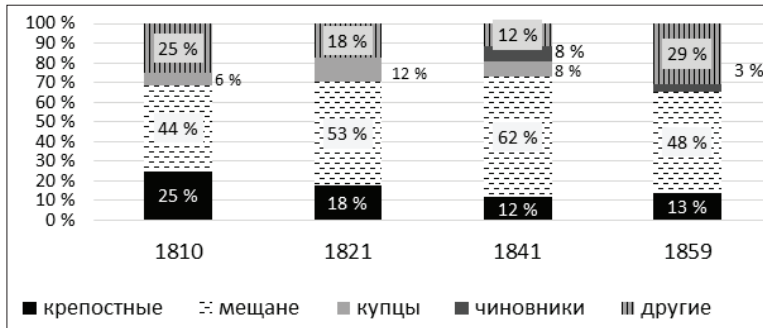
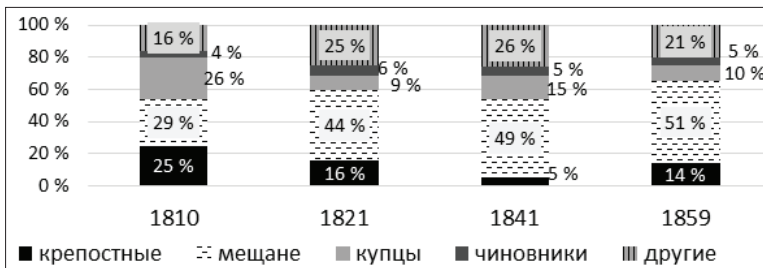
Повторные браки московских мещан и цеховых, %²⁰

Годы	Мужчины	Женщины
1810	9,85	15,15
1821	12,8	8,64
1841	10,66	10,19
1859	13,8	9,94

Примечание: 100 % — первые и повторные браки мужчин/женщин за год.

Напомним, что для Европейской России XIX в. было характерно заключение повторных браков преимущественно мужчинами. Например, во второй половине XIX в. по Коми краю только одна треть повторных браков приходилась на женщин и две трети на мужчин²¹.

Предположим, что в Москве вдовы-мещанки становились женами мужчин из групп населения, у которых не было или не хватало женщин общего с ними статуса: нижние воинские чины, небогатые разночинцы, такие как типографские рабочие, театральные капельдинеры и др. Для проверки этого предположения обратимся к социальному составу женихов (см. рис. 1–2).

Рис. 1. Женихи мещанок-вдов²²Рис. 2. Женихи мещанок-девушек²³

²⁰ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 171, 174, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

²¹ Вишнякова Д. В., Семенов В. А. Указ. соч. С. 89.

²² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 171, 174, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

²³ Там же.

По социальному статусу мужчины, женившиеся на мещанках, образуют пять групп. Кроме мещан одноименная группа включает цеховых ремесленников. В группу «чиновники» мы объединили табельных чиновников, канцеляристов, а также не служащих, но имеющих классный чин, например, кандидата коммерции. В группу «купцы» кроме собственно купцов вошли женихи со статусом «сын купца». Группа «другие», весьма пестрая по составу, включает нижние воинские чины, пожарных служителей, вольноотпущенных, типографских рабочих и других разночинцев. Средний процент браков вдов с мужчинами из группы «другие» — 21, а у девушек — 22. Таким образом, высокий уровень повторных замужеств мещанок в Москве, очевидно, не объясняется массовыми браками вдов с солдатами и разночинцами.

Особое внимание обращают на себя браки вдов и девиц с представителями групп, занимавшими максимально удаленные позиции в сословно-правовой иерархии, — чиновниками и крепостными людьми. Крепостные (преимущественно дворовые) люди являлись наименее правоспособной группой в брачном круге мещанок. На браки с крепостными должны были быть ориентированы малообеспеченные мещанские семьи, часто сами в первом или во втором поколении происходившие из вольноотпущенных. С 1810 по 1841 г. мы видим сокращение браков мещанок с крепостными. За два года до отмены крепостного права, в 1859 г., отмечается рост числа браков с этой категорией женихов как у мещанских девушек, так и у вдов. Вероятно, резко возросший поток мигрантов из деревни, оказавший во второй половине XIX в. огромное влияние на все сферы городской жизни и даже приведший, по мнению Б. Н. Миронова, к ментальному «окрестьяниванию» городских низов²⁴, начался за несколько лет до отмены крепостного права и отразился на увеличении мещанско-крестьянских браков. Средняя доля браков с крепостными людьми по всем выборкам у девушек — 15 %, а у вдов — 17 %. Таким образом, в беднейшей страте московского мещанства вдовы чуть чаще выходили замуж за крепостных, чем девушки.

Государственная служба являлась сословной привилегией и в рассматриваемый период была закрыта для податных сословий, так что не только чиновничество, но даже канцеляристы могут рассматриваться в качестве элиты брачного круга московских мещанок. Браки мещанских вдов с государственными служащими встречались, но были в целом явлением более редким, чем у мещанок-девиц. В выборках 1810 и 1821 гг. браки вдов-мещанок с чиновниками и канцеляристами отсутствуют.

Еще заметнее отличие распространенности браков с купечеством. Лица, имевшие статус купца, а также их сыновья значительно реже связывали себя браком с мещанскими вдовами, чем с мещанскими девушками.

Во всех выборках кроме выборки 1859 г. доля внутрисословных или социально-гомогенных браков у вдов выше, чем у девиц, т. е. овдовевшие мещанки чаще выходили замуж за мещан, чем мещанские дочери. Причина состоит

²⁴ *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 341.

в социально-экономических особенностях жизни московского мещанства. Значительная его часть в старой столице принадлежала к бедноте, не владевшей ни землей, ни строениями на территории города. По данным «Журнала Министерства внутренних дел», в Москве в 1840-е гг. «около трех четвертей всего количества мещан» не имели в городе «собственного крова»²⁵. Автором был проведен анализ части «А» обывательской книги 1840-х гг., в которую вносилась информация о владельцах недвижимости в Москве (домовладельцы с фамилиями на «А») ²⁶. В исследованной выборке соотношение мещан мужского и женского пола оказалось довольно близким: 52 % — мужчины, 48 % — женщины. Из мещанок, владевших домами, статус вдовы имели более половины — 53 % (25 женщин). Из вдов 17 женщин (почти 70 %) были в возрасте до 50 лет, 11 женщин до 40 лет. В источнике отмечено всего восемь овдовевших мещанок (т. е. около одной трети вдов) в возрасте старше 50 лет. Это те, кто не смогли (например, в силу возраста) или не захотели повторно выходить замуж. Показательно, что среди мужчин восемь из 12, зафиксированных в источнике мещан-вдовцов, имели возраст 60+, а у вдов всего три из 25. На наш взгляд, это свидетельствует о высокой востребованности располагавших жильем мещанских вдов на брачном рынке. Можно предположить, что вдовы, владевшие домами, имели больше шансов на замужество, чем старые девы, унаследовавшие или купившие жилье: в возрасте 50+ отмечено семь из 17 (41 %) девиц-мещанок и восемь из 25 (32 %) вдов-мещанок.

Интерес представляет соотношение браков женщин, похоронивших первых мужей, с холостяками и вдовцами. Напомним, что, по этнографическим наблюдениям, в России XIX в., вдовы, как правило, создавали супружеские пары с вдовцами. Наше исследование показывает, что вдовы-мещанки в Москве в абсолютном большинстве случаев выходили замуж за холостяков, никогда прежде не женившихся. Доля браков вдов-мещанок с вдовцами не достигает даже 35 % (см. рис. 3).

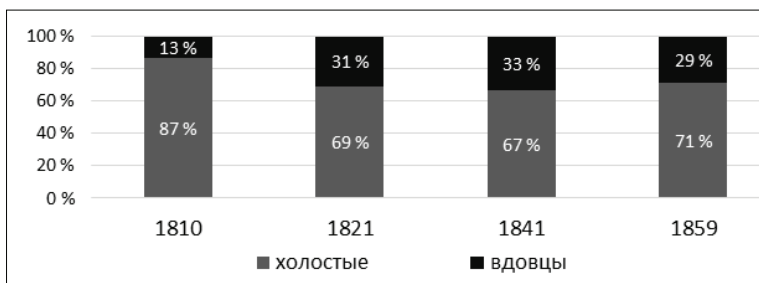

Рис. 3. Семейное положение женихов вдов-мещанок²⁷

²⁵ Мещанское сословие в Москве (за 1845 г.) // Журнал Министерства внутренних дел. 1847. Ч. 17. С. 76.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Часть «А». Л. 1–51.

²⁷ Там же. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 171, 174, 230, 232, 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

Выборки из метрических книг за 1841 и 1859 гг. содержат данные о возрасте вступающих в брак²⁸. Примечательно, что средний возраст вдов, выходящих замуж на территории купеческого Замоскворечья, на один-два года меньше, чем вдов-мещанок, венчавшихся на территории разночинного Никитского сорока. В первом случае он составлял 28 лет, во втором — 29–31 год. Средний возраст мужчины, женившегося на овдовевшей мещанке, естественно, был более зрелым на территории Никитского сорока, где вдовы-невесты были чуть старше: в 1841 г. он составлял в Замоскворецком сороке 35,8 лет, в Никитском — 36,4 лет. В 1859 г. женихи вдов-мещанок «помолодели». При сохранении прежнего возраста невест средний возраст мужчины, бравшего за себя вдову-мещанку, в Замоскворечье опустился до 29,4 лет, на территории Никитского сорока — до 34 лет. Причина снижения среднего показателя заключается в появлении среди женихов очень молодых крепостных крестьян, юношей в возрасте 21–22 лет. При этом невесты могли быть значительно старше своих будущих мужей, в одном случае вдова была старше жениха-крестьянина на 12 лет²⁹.

Заключение. В условиях выраженного имущественного неравенства внутри московского мещанства статус вдовы не означал автоматическое превращение мещанки в аутсайдера брачного рынка. В целом брачный круг вдов включал те же социальные категории, что и брачный круг девушек. Однако отмечается сокращение в числе женихов овдовевших мещанок представителей полупривилегированных групп населения и увеличение браков с крепостными людьми. Большую часть вторых браков мещанки заключали с представителями собственного сословия. Вероятно, мужьями вдов становились в основном малообеспеченные мещане. Исследование демонстрирует серьезные отличия демографического поведения московских мещанок от модели, свойственной российскому крестьянству: у мещанок отмечается высокий процент вторых браков, а также преобладание союзов вдов с мужчинами, женившимися первым браком. Повторные браки московских мещанок в XIX в. являются еще одним примером того, как жизненные обстоятельства успешно корректировали традиционные демографические установки. В условиях, когда московское мещанство активно пополнялось за счет вольноотпущенных крепостных, а две трети московских мещан не имели в городе собственного жилья, наличие любого имущества, тем более дома, унаследованного от мужа, делали вдов-мещанок весьма востребованными на брачном рынке.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1. Д. 354, 355, 359, 360, 551, 552, 556, 557.

²⁹ Там же. Д. 551. Л. 44 об.

Л и т е р а т у р а

1. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 276 с.
2. Вишнякова Д. В., Семенов В. А. Брачность населения европейского Северо-Востока России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 4 (4). С. 87–93.
3. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.
4. Гура А. В., Кабакова Г. И. Вдовство // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 293–297.
5. Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Женщина купеческого сословия г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: штрихи к социальному портрету // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. Вып. 1 (171). С. 145–155.
6. Козлова Н. В. Хозяйственная активность и предпринимательская деятельность купеческих жён и вдов Москвы в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: сб. материалов Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 139–244.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
8. Моцидарская А. А. Вдовы сибирских служилых казаков в XVII веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 308–311.
9. Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде. Традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62–71.
10. Мухина З. З. Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политика и общество. 2013. № 3. С. 322–329.
11. Перова М. В. Цеховая организация ремесленного населения России середины XIX в.: функции, общественное значение и направление деятельности // Омский научный вестник. 2009. № 1 (75). С. 13–18.
12. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 351 с.
13. Рыблова М. А. Вдовы в традиционной семье и общине донских казаков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 279–292.
14. Семенов А. М., Семенова О. А. Положение дворянской вдовы в России в XIX в. // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 98–106.
15. Тульцева Л. А. Вдовья доля // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 20–26.
16. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 140–169.
17. Хабарова О. В. Динамика показателей брачного поведения жителей Севастополя в XIX в.: анализ базы данных, созданной по материалам метрических книг // Историческая информатика. 2013. № 2 (4). С. 86–100.

References

1. Bernshtam T. A. Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX v.: Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury [Youth in the Ritual life of the Russian Community of the XIX – early XX century: The gender and age aspect of traditional culture]. Leningrad: Nauka, 1988. 276 p. (In Russ.).
2. Vishniakova D. V., Semenov V. A. Brachnost' naseleniia evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Marital status of the population of the European North-East of Russia in the second half of the XIX – early XX century] // Izvestiia Komi NTs UrO RAN. 2010. № 4 (4). P. 87–93. (In Russ.).
3. Gromyko M. M. Traditsionnye normy povedeniia i formy obshcheniia russkikh krest'ian XIX v. [Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the XIX century]. Moscow: Nauka, 1986. 274 p. (In Russ.).
4. Gura A. V., Kabakova G. I. Vdovstvo [Widowhood] // Slavianskie drevnosti. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995. T. 1. P. 293–297. (In Russ.).
5. Zaitseva O. M., Strekalova N. V. Zhenshchina kupecheskogo sosloviia g. Tambova v kontse XIX – nachale XX veka: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [A woman of the merchant class of Tambov in the late XIX – early XX century: touches to a social portrait] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2018. T. 23. Vyp. 1 (171). P. 145–155. (In Russ.).
6. Kozlova N. V. Khoziaistvennaia aktivnost' i predprinimatel'skaia deiatel'nost' kupecheskikh zhen i vdov Moskvyy v XVIII v. [Economic activity and entrepreneurial activity of merchant wives and widows of Moscow in the XVIII century] // Torgovlia, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XVIII vv.: sb. materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 17–20 sentiabria 2001 g.). St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2001. P. 139–244. (In Russ.).
7. Mironov B. N. Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii. (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. T. 1. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000. 548 p. (In Russ.).
8. Motsidarskaia A. A. Vdovy sibirskikh sluzhilykh kazakov v XVII veke [Widows of Siberian service Cossacks in the XVII century] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2011. T. 17. P. 308–311. (In Russ.).
9. Mukhina Z. Z. Vdova v russkoi krest'ianskoi srede. Traditsii i novatsii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [A widow in the Russian peasant environment. Traditions and innovations (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)] // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2012. № 4. P. 62–71. (In Russ.).
10. Mukhina Z. Z. Pravovoe polozhenie vdovy v russkoi krest'ianskoi srede: traditsii i novatsii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [The legal status of a widow in the Russian peasant environment: traditions and innovations (the second half of the XIX – beginning of the XX century)] // Politika i obshchestvo. 2013. № 3. P. 322–329. (In Russ.).
11. Perova M. V. Tsekhovaia organizatsiia remeslennogo naseleniia Rossii serediny XIX v.: funktsii, obshchestvennoe znachenie i napravlenie deiatel'nosti [Workshop organization of the handicraft population of Russia in the middle of the XIX century: functions,

social significance and direction of activity] // Omskii nauchnyi vestnik. 2009. № 1 (75). P. 13–18. (In Russ.).

12. Rashin A. G. Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): statisticheskie ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913) Statistical essays]. Moscow: Gosstatizdat, 1956. 351 p. (In Russ.).

13. Ryblova M. A. Vdovy v traditsionnoi sem'e i obshchine donskikh kazakov [Widows in the traditional family and community of the Don Cossacks] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia. 2021. T. 66. Vyp. 1. P. 279–292. (In Russ.).

14. Semenov A. M., Semenova O. A. Polozhenie dvoriianskoi vdovy v Rossii v XIX v. [The position of a noble widow in Russia in the XIX century] // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2019. № 2. P. 98–106. (In Russ.).

15. Tul'tseva L. A. Vdov'ia dolia [Widow's share] // Etnograficheskoe obozrenie. 1995. № 3. P. 20–26. (In Russ.).

16. Ul'ianova G. N. Zhenshchiny-predprinimateli Rossiiskoi imperii v 1890-e gody: ekonomicheskaiia deiatel'nost', sotsiobiograficheskie i etnicheskie parametry [Women entrepreneurs of the Russian Empire in the 1890s: economic activity, sociobiographic and ethnic parameters] // Ekonomicheskaiia istoriia: ezhegodnik. 2016–2017. M.: IRI RAN, 2017. P. 140–169. (In Russ.).

17. Khabarova O. V. Dinamika pokazatelei brachnogo povedeniia zhitelei Sevastopolia v XIX v.: analiz bazy dannykh, sozdannoi po materialam metriceskikh knig [Dynamics of indicators of marital behavior of residents of Sevastopol in the XIX century: analysis of a database created based on the materials of metric books] // Istoricheskaiia informatika. 2013. № 2 (4). P. 86–100. (In Russ.).